

Хелен Хоффманн

В ПЛЕНУ У СНЕЖНОЙ КОРОЛЕВЫ

Книга 1

Попадая в другую культуру, невольно
можно угодить в ловушку
инакомыслия и недопониманий

Хелен Хоффманн

**В плену у Снежной
королевы. Книга 1**

«Издательские решения»

Хоффманн Х.

В плену у Снежной королевы. Книга 1 / Х. Хоффманн —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-909564-0

Основное действие происходит в Германии. Героиня книги Мария, воспитывавшая в 90-е годы в России одна двух детей, вынуждена была разыскать в Германии бывшего мужа, у которого к тому времени уже была новая семья с усыновленными им двумя детьми от новой жены. Тяжелые обстоятельства заставили передать детей их отцу. С этого времени отец детей чинит препятствия Марии в общении и свидании с детьми. Отказы в визе. Немецкий суд в попытке лишить ее материнских прав. Но много хороших людей готовы помочь.

ISBN 978-5-44-909564-0

© Хоффманн Х.
© Издательские решения

В плену у Снежной королевы

Книга 1

Хелен Хоффманн

© Хелен Хоффманн, 2018

ISBN 978-5-4490-9564-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Эпилог

*Воин света – помимо своей воли – делает неверный шаг и погружается в бездну.
Одиночество терзает его, призраки пугают его. Когда он искал Праведный Бой, то не предполагал, что подобное случится с ним. Однако же случилось.*

Окутанный тьмой, взывает он к своему наставнику.

«Учитель, я погружаюсь в пучину, – говорит он. – Воды так темны, так глубоки».

«Помни одно – отвечает тот. – Захлебывается и тонет не тот, кто погрузился, а тот, кто остался под водой».

И воин напрягает все свои силы, чтобы выбраться из положения, в котором он оказался.

ПАУЛО КОЭЛЬО. КНИГА ВОИНА СВЕТА.

Больничная палата. Мария, отходя от наркоза, услышала слова весёлого доктора:

– Но сделайте же скорей что-нибудь! Я не могу долго на руках голую женщину держать!

Через пару минут она лежала на кровати и открыла глаза.

Весёлый доктор, невысокого роста коренастый мужчина с массой, излучающей энергию, весёлыми, добрыми глазами, но с налётом усталости после очередных операций, давал последние наставления молоденькой медсестре. Выходя из палаты, поднял руку и произнес демоническим голосом:

– Мавр сделал своё дело, Мавр может удалиться!

Медсестра выкатила каталку в коридор, вернулась, положила на тумбочку таблетку и обернулась к Марии поправить спадающее одеяло.

– Ну надо же какие у нас образованные врачи пошли, – отметила в слух Мария.

– Это ещё что! Вот помяните моё слово, он как узнал то, что вы в художественном институте работаете, так возрадовался, что теперь наверняка узнает от вас, в каком веке работал Боттичелли, – смеясь, поделилась девушка.

В это время зазвонил сотовый Марии, который лежал в кармане халата. Она протянула к халату руку, но не могла двинуться, мешала перевязка и тупая боль в области живота, тогда она взглядом попросила медсестру подать ей телефон. Та ей подала.

Она включила сотовый и услышала знакомый голос. Теплая улыбка скользнула по её бледному лицу.

– Hallo, Мария! Herzliche Grüße (сердечный привет) из Германии, что-то давненько ты нам, старикам, не звонила, мы уже стали переживать за тебя, решили сами позвонить.

– Hallo, тётя Элиночка! – как можно радостнее ответила Мария. Её умиляла и веселила речь русских немцев. Перемешивая русские и немецкие слова, они уже сами не замечали этого.

– Вы так удачно позвонили. Я как раз отхожу от наркоза после операции, но ничего страшного, не беспокойтесь за меня. Я прихожу в состояние «стояния» и вообще «всё хорошо, прекрасная маркиза, и хороши у вас дела...», – весело пропела Мария.

– Ох! Mein Gott! (Господи!). Что случилось? Почему ты в больнице?

– Сама не знаю, как всё получилось. Пришла в больницу просто провериться, а врачи меня сразу на каталку и в операционную, и вообще, как в том фильме – подскользнулся, упал, очнулся, гипс.

Стараясь говорить весело, чтобы не слишком расстраивать старушку, Мария попыталась повернуться на бок. В это время в палату на каталке ввезли ещё одну больную. Старая женщина была вся увешана проводами, закрытые глаза её проваливались на землистом лице. Весь её вид говорил, что она не жилец на этом свете. Кроме Марии и этой тяжело больной женщины, в палате из больных больше никого не было. У кровати старушки присела женщина средних лет с заплаканным лицом. По всей видимости, её дочь, и стала то поправлять одеяло, то протирать платком её лоб, всё время вглядываясь в такое родное лицо, как будто старалась запомнить её на всю жизнь.

Попрощавшись с тётей Элиной, Мария положила телефон на тумбочку. Свернулась калачиком и постаралась заснуть. Сон долго не шел. Гнетущую тишину прерывало тяжёлое дыхание умирающей. За окном была ночь....

– Мамочка! Мамочка!... Милая моя...

Сквозь дрему прорвался леденящий душу голос. Мария открыла глаза и увидела, как дочь склонилась над умершей матерью и сквозь слёзы шептала нежные слова, которые та уже никогда не услышит.

Пришли медсёстры, тело увезли, кровати передвинули... Мария осталась в больничной палате одна. Она попросила не выключать свет. Кажется, на сегодня она была сыта всеми прелестями жизни и просто тупо смотрела на пятно на потолке. В голову лезли воспоминания последних лет. Особенно помнилось посещение ей немецкого консульства год назад:

– К сожалению, фрау Шульц, Вам виза отклонена, – сказала миловидная сотрудница немецкого консульства.

Резко побледнев, молодая женщина судорожно ухватилась за стойку у окошка и прошептала, задыхаясь:

– Нет! Этого не может быть! – слёзы градом полились по её щекам. От волнения лицо загорелось.

Впечатление от вида горем убитой женщины было удручающим и сотрудница, резко отвернувшись, опустила голову, уткнулась в документы. Она хорошо понимала состояние этой женщины, так как у той в анкете было указано, что она едет навестить в Германии двух своих несовершеннолетних детей.

Находясь в состоянии шока. Ещё несколько минут и нервно теребя носовой платок, женщина вдруг очнулась и твёрдым голосом заявила:

– Я требую консула, я не уйду, пока с ним не поговорю. Почему мне не разрешают моих детей навестить!? – взгляд выражал решительность, осанка приобрела уверенность, всё в ней говорило, что она не уступит своих позиций и не изменит принятого решения.

Чувствовалось приближение скандала...

Это было большое помещение. В середине тянулся целый ряд окошек, куда желающие посетить Германию граждане России подавали свои документы и заявления на визу. Всё было чётко организовано. Стоящие у дверей охранники пропускали внутрь по двадцать человек. Счастливчики немедленно проходили в угол зала и занимали места, где их предварительно знакомили с тем, как заполнять документы, а потом по несколько человек выстраивались в очередь в виде змейки и ожидали, когда загорится лампочка у одного из окошек и можно будет очередному посетителю туда подойти. Тем временем за пределами консульства томилась в ожидании большая очередь желающих посетить Германию.

И так. В воздухе запахло скандалом...

Мирно беседующие в очереди люди замерли, охранники вытянулись напряженно у дверей, во всех окошках сотрудники на минуту прервали свою работу. После первого мгновения шока в помещении за окошками всё вновь пришло в движение. Одна из сотрудниц консульства быстро вышла из помещения и через несколько минут вернулась, но уже не одна, а в сопровождении высокого молодого мужчины с красивыми чертами лица. Он был одет в тёмно-коричневый, хорошего кроя костюм, белую рубашку и галстук. Он прошёл к крайнему окошку, девушка, вошедшая в зал вместе с мужчиной, подошла к сотруднице, которая выдавала документы женщине, наклонилась и что-то той шепнула. Та немедленно по громкой связи объявила:

– Фрау Шульц, подойдите к окошку номер 12!

Мария очнулась от оцепенения, утерла слезы. В её глазах появилась надежда. Она тут же бросилась к указанному окошку, сделала глубокий вдох, выпрямившись, устремила свой взор с надеждой и мольбой на сидящего напротив мужчину, пытаюсь собраться с мыслями и про-извести впечатление здравомыслящего человека. Она произнесла первые слова:

– Guten Tag. Mein Name ist Schulz (добрый день, меня зовут ...)

– Guten Tag, Frau Schulz. Sprechen Sie Deutsch? (Добрый день. Говорите по-немецки?)

– Ja, ja. Ich spreche ein wenig Deutsch (да, да немного говорю) – торопливо, запинаясь и коверкая немецкие слова, заговорила Мария.

Молодой человек прервал её тираду и заговорил на русском языке с акцентом:

– Успокойтесь, Фрау Шульц, мы можем вполне общаться на русском языке. Меня зовут Хер Зольский, я – атташе немецкого консульства. Итак, Вы требовали, чтобы Вас выслушал консул. Но Вы вполне можете это же сказать мне. Я слушаю вас внимательно.

– Хер Зольский, понимаете, я получила отказ на въезд в Германию, но у меня там живут несовершеннолетние дети, я их давно не видела, очень соскучилась и хочу их навестить...

– Я хорошо понимаю Ваше материнское желание увидеться с детьми, но где гарантия, что Вы там не останетесь и Вас потом не придётся депортировать?

– Но я уже была в Германии и не нарушала закон о пребывании, вовремя покинула страну! Кроме того, я хочу и в дальнейшем без проблем, свободно посещать моих детей, поэтому я осознаю всю ответственность и не собираюсь совершать необдуманных поступков.

– Это звучит вполне убедительно, Фрау Шульц, но всё же у нас остаются сомнения на Ваш счёт. Ваши дети живут в новой семье Вашего бывшего мужа. Насколько нам известно, у Вас не совсем хорошие отношения с ним и ещё не понятно, чем может закончиться Вашего посещения.

– Но я уже говорила, вам, что посещала Германию и моих детей, ничего за время моего посещения не произошло, я не стремилась увидеться с Хером Шульцем. Я снимала отель недалеко от дома, где живут мои дети, где они и навещали меня. Мы вместе проводили время.

– Я понимаю Ваше желание увидеться с детьми, но у нас есть сведения, что Хер Шульц не желает Вашего присутствия и вмешательства в его семью. Можно представить ситуацию: что Вы стучитесь в дверь, где живут Ваши дети, Хер Шульц не открывает и вызывает полицию...

– Господи, что за бред Вы говорите! – в сердцах произносит Мария, теряя выдержку и терпение.

– Вот, вот меня это ещё раз убеждает, что Вы человек не сдержанный. Можете неадекватно себя повести во время посещения, и к тому же Вы слишком, по всей видимости, любите своих детей, поэтому я рекомендую Вам прекратить подавать документы на визу и не брать приступом консульство, находясь здесь сутками.

Теряя последнюю надежду, Мария, стараясь взять себя в руки, с мольбой глядя в лицо этого холодного, стремящегося к порядку чиновника, сделала ещё одну попытку достучаться до его сердца.

– Я восемь лет воспитывала детей одна, без помощи кого-либо, в том числе своего бывшего мужа, – быстро сквозь слёзы и комок в горле пыталась говорить она, – и только тяжелые обстоятельства вынудили меня разыскать бывшего мужа и передать ему на временное воспитание наших детей, но я ни в коем случае не отказывалась от них! У Вас же то же есть мать! Смогла бы она отказаться от возможности увидеть своего ребенка? И как это можно несильно или вполсилы любить... Прошу Вас, умоляю!!...

Дальше она не могла говорить, её душили слёзы. Был слышен только шепот, переходящий в мольбу.

На лице чиновника отразилась досада: не то от сочувствия, не то оттого, что нужно, наконец, принимать самому какое-то решение.

– Фрау Шульц, нам больше не о чем говорить. Могу только сказать, что Вы представляете угрозу для Германии, а именно – для новой семьи господина Шульца. Могу дать Вам последний шанс. Вот моя визитка с телефоном. Если мне позвонит Ваша дочь и скажет, что хотела бы Вас увидеть, то мы можем ещё раз обдумать Ваше решение.

– Но она находится под влиянием своего отца и вряд ли сможет без его разрешения Вам звонить и просить за меня... Поняв, что её попытка увидеть детей обречена, она сжавшись в комок, сквозь слезы выпалила:

– Мать, которая слишком сильно любит своих детей, представляет для Вас угрозу, а люди с криминальным прошлым свободно посещают Вашу страну!

Лицо чиновника побагровело, глаза сузились:

– Эти слова Вы зря произнесли, они будут Вам дорого стоить. Всё. Время собеседования истекло. Прошу покинуть консульство!

Он резко встал и удалился в глубину зала.

Она лежит на койке в больничной палате, и её мучают своей безысходностью эти последние воспоминания. Но вот следующие, те, что были годом ранее, заставляют её задуматься и ещё раз проанализировать её пребывание в Германии когда она общалась с детьми.

Двери большого аэробуса плавно открылась, и пассажиры, прихватив свой багаж, торопились быстрее выйти на улицу. Там они ещё несколько минут дожидались своей основной багаж, который располагался в боковых отсеках автобуса, а затем покидали площадку остановки.

Ожидая багаж, Мария оглядывалась, ища глазами среди встречающих своих. Наконец она увидела статного пожилого мужчину, которого седина не старила, а наоборот, добавляла благородство и солидности.

Он тепло, как-то по-отцовски улыбнулся и подошёл к ней. Они крепко обнялись. Мария радостно зашебетала, не переставая обнимать его:

– Здравствуйте, дядя Андрей! Боже мой, сколько же лет мы не виделись! А Вы ни капельки не изменились!

– Ну да, как же, леща мне бросаешь. Помню, в последний раз мы виделись на твоей свадьбе, где я вас с Сергеем и возил до ЗАГСа, а потом по городу. Тогда я даже ещё очки не носил. Мы с твоим отцом славно посидели в тот день с бутылочкой. Нас даже потеряли, а нашли под виноградником на лавочке.

Они весело рассмеялись от нахлынувших воспоминаний.

– Да... Ты выросла у меня на глазах, мы лет 20 с твоими родителями дружили, вместе почти все праздники справляли. Да и потом, когда переехали в Германию, поддерживали отношения, я звал их не раз погостить, но они так ни разу не собрались, так и не нашлось у них времени, не успели. Мир их праху, – дядя Андрей печально замолчал.

– Да, это так, но меня греет надежда, что они там всё видят и помогут мне наконец моих детей увидеть и вернуть, – Мария горько вздохнула.

Воспоминания их резко прервала, подошедшая невысокая, обаятельная женщина средних лет, дочь дяди Андрея, Юлия. Она мило улыбнулась Марии:

– Ну что вы здесь всё стоите, идемте скорее к машине. Мария наверняка устала после долгого переезда, ей нужно отдохнуть и поесть, да и мама нас всех ждет.

– Да, да, извиняюще, засуетился дядя Андрей и понес чемоданы Марии к машине.

Из окна машины Мария рассматривала незнакомые улицы, дома. Канун Рождества... Почти не было снега, только лёгкий морозец так слегка шалил, подмораживал тех, кто был не предусмотрительно легко одет. Многие ходили без шапок, в демисезонных куртках или пальто. Всё дышало миром, спокойствием и предпраздничным настроением. Улицы украшали гирлянды, двери домов ёлочные венки с шарами на них. И повсюду игрушечные, веселые Санта – Клаусы на крышах, балконах.

Незнакомая страна, чужая речь, другие нравы... но всё ей казалось родным, может, оттого, что здесь жили её дети и друзья её родителей.

Выйдя из машины, она с наслаждением вдыхала прозрачный воздух и даже распахнула куртку, чтобы лучше ощутить свежесть легкого морозца.

После радушного приёма и сытной трапезы Юлия, Мария, дядя Андрей и его жена Элина, пожилая, но весьма подвижная, обаятельная и коммуникабельная женщина, устроились в достаточно уютной гостиной. Здесь, как у всех русских немцев, было немного мебели: не было громоздких стенок и шкафов, а вполне уютная комната, с маленьким журнальным столиком посередине, где всегда стояло блюдо, с фруктами, телеаппаратура, на которой стояла изящно украшенная маленькая новогодняя елка, диван и два кресла возле столика. Приоткрытая дверь, ведущая на вполне просторную уютную мансарду.

Присев рядом с Марией и по-матерински обняв, тетя Элина нежно погладила её по волосам:

– Ну рассказывай, а то мы не всё поняли из твоего письма.

Мария села к ней поближе, как бы ища защиты, вздохнула и начала рассказ.

– Как говаривали наши классики «боль воспоминаний гнетёт нас», попыталась пошутить для начала Мария и продолжила уже печально, – так бывает, что полюбишь подлеца, а потом жизнь, как колесо, закручивает и нет сил выбраться из этого омута...

– Ты имеешь в виду Сергея? – перебил её дядя Андрей. – Но я хорошо его помню. Он производил хорошее впечатление, компанейский мужик, трудяга, да и твой отец был в восторге от него.

– Да, да с отцом были отличные отношения, все видели его оболочку, но никто не знает изнанку, это у него хобби такое – производить впечатление, как на мужчин, так и на женщин.

– Ах, Мария, ты говоришь банальности, все мужики немного бабники, – дядя Женя досадно махнул рукой.

– Да! Только их женам почему-то приходится терпеть их слабости! – неожиданно горячо вступилась за Марию тетя Элина, гневно сверкнув глазами в сторону дяди Андрея.

– То, что он бабник, пьяница и дебошир такая мелочь в сравнении с тем, как он умеет манипулировать и использовать людей, а сам в это время остаётся в тени. К сожалению, я попала в этот капкан и мне теперь тяжело выбраться из него, – тяжело вздохнула Мария, расстегнув пуговицу на кофточке, особенно чётко вспоминая один эпизод:

Сергей сидит за большим круглым столом, большие ладони, сцепленные свободно, лежат на столе, он говорит спокойно, как бы рассуждая, вместе с тем циничность его слов ужасает:

– Дорогая, за восемь лет совместной жизни мы нажили дом, машину и двух очаровательных детей. Ты считаешь, что мы должны расстаться, несмотря на то, что я тебя люблю и против развода. В таком случае мы должны поделить всё нажитое имущество по справедливости. Итак, ты забираешь наших детей – а это самое ценное, что мы совместно приобрели, ну а остальное остаётся мне, – с ухмылкой на хладнокровном лице он высказался.

– Он прекрасно знал, что я не смогу отсудить у него ничего, продолжала рассказывать Мария.

– Всё наше имущество было записано на его мать. Он уверял меня тогда, что так будет лучше, в случае каких-либо проблем с налоговой инспекцией по его бизнесу. Так, я осталась одна с маленькими детьми на руках, без денег и без жилья. Мария прервала рассказ, сделав глубокий вдох.

– И его мать, между прочим, верующий человек, сразу возненавидела меня, как я только переступила порог их дома. И все делала исподтишка, чтобы только разбить наш брак, несмотря на детей...

– Тогда я решила вернуться в свой город, в родительский дом, где жил в одиночестве в то время мой отец. Правда, через несколько месяцев после нашего приезда с детьми папа умер... Бедный папочка не смог перенести смерть мамы, – Мария закрыла лицо ладошками, наступила пауза. Тетя Элина прижала её снова к себе, погладив по голове.

– Да, я помню, как они сильно друг друга любили, – прервал молчание дядя Андрей, – но ты же знаешь, что ты для нас, как родная дочь и всегда можешь на нас рассчитывать.

Мария благодарно взглянула на дядю Андрея.

– Спасибо вам, мне греет сердце мысль о том, что вы у меня есть. Как же я устала от одиночества. Мария обняла тетю Элину и заплакала.

– Тебе следовало раньше рассказать нам о своих трудностях, а не терпеть всё это столько лет, – сказала тетя Элина.

– Ах, дорогие мои, я же знаю как вам тоже тяжело и что оба тяжело больны, к тому же всё принимаете так близко к сердцу, что потом ещё больше ухудшается ваше состояние, вы нужны мне живые и здоровые, для меня сейчас любимые и единственные родные люди.

– Ну, ну хватит сентиментальничать, рассказывай дальше, – прервал её дядя Андрей, но глаза его как-то подозрительно блеснули, он откинулся на спинку кресла, нервно поправляя рукой лежащее на столе яблоко, желтое, как маленькая копия солнца.

Мария понемногу успокоилась, согреваясь в кругу любящих её и всё понимающих людей.

– А дальше всё, как в кошмарном сне, – вспоминала она дальше. Это были 90-е годы, самые ужасные годы для нашей страны. Вы наверняка здесь об этом не всё знаете, когда всё, казалось, рушилось. В государственных учреждениях, где год, а где и дольше, не выдавали зарплату, или она была настолько мизерна, что едва хватало на продукты. Люди были подавлены, впадали в депрессию. Да и в частных фирмах было не всё гладко, рэкет и мафия управляли бизнесом. Я не знала, как мне прокормить детей, к тому же они часто болели. Бывало так, что вечером приготовлю ужин из последних продуктов, положу детей спать, выйду на веранду, затяну в лихорадке сигарету, а пальцы трясутся от страха и безысходности, и слёзы душат меня от мыслей как же жить дальше...

– А детские? В конце концов, алименты от Сергея? – спросила Лилия

– Какие детские? – с горькой улыбкой ответила Мария,

их хватало на неделю, чтобы купить только хлеба. Это не так, как здесь можно долгое время на одни детские жить. А алиментов, которые мне всё же удалось отсудить, едва хватало на несколько рулонов туалетной бумаги, это я так для яркости образа беру в сравнении.

– Сергей работал в частной фирме, а в таких фирмах умеют скрывать реальные доходы и зарплату. Вот и получается, что он якобы выплачивал деньги на содержание детей и сможет доказать это в любом суде, махая при этом «квиточками», а он обязательно не забудет продемонстрировать это всем и каждому. Вот только детям уже не вернуть того, чего они в своём детстве не получили: не купленные игрушки, сладости, всё то что положено иметь в их возрасте. – Мария гневно сверкнула глазами.

– Как бы то ни было, но я одна как могла и воспитывала и содержала все восемь лет детей, и все эти годы их отец и его мать бабушка детей, даже не интересовались ни их жизнью, ни их здоровьем. Зато теперь он не дает мне с ними общаться и настраивает против меня.

– А как так получилось, что они оказались с ним? – спросил дядя Андрей.

– А вот когда ему пришёл вызов на переезд в Германию, тут-то он и объявился впервые за много лет. До моего возвращения в родной город мы с ним и детьми жили у него на родине, в Киргизии. Сразу с порога начал петь, как он соскучился и что приехал каяться. Он де осознал, как ему нас все эти годы не хватало, вспомнил, что дети всё-таки серьёзно больны, а здесь как раз такой шанс подворачивается вывезти детей в Германию, и там уже будет возможность их вылечить. И еще не маловажный момент – в Киргизии вот-вот может вспыхнуть война, его могут призвать и если не дай Бог убьют, дети останутся сиротами и этот грех ляжет на меня. Да, и вообще, уверял меня, говоря, что там-то и будет наконец нормальное будущее для детей. В общем, давил на материнские чувства. Вот только маленькая загвоздка: все мы сразу выехать не сможем, он поедет первым, подготовит там для нашего приезда почву. Но для этого я должна подписать документ о том, что не имею к нему материальных претензий это меня как-то сразу насторожило, но тревога за детей, усыпила мою бдительность: у дочери серьезная болезнь, последний раз было до остановки сердца... да и всё ещё не верилось, даже, после стольких лет, в нечеловеческую подлость с его стороны к собственным детям... – Мария замолчала.

– Ну а дальше-то, что же дальше было? – проговорила тетя Эмма.

– Ну а дальше... дальше он о нас благополучно забыл. Только позже я узнала от знакомых, у которых родственники в Германии жили, что вызвал он в Германию какую-то женщину с двумя детьми, они тут же обвенчались, и он усыновил двух её детей такого же возраста, как и наши... В общем, мне пришлось с этим смириться и жить дальше, вот только когда меня парализовало, а детей предложили отправить в детский дом, здесь я вспомнила об этом подонке и чувство гнева охватило меня. Почему наши дети должны жить в детдоме при живом отце, для которого чужие дети оказались дороже. Я стала писать в немецкое консульство с просьбой разыскать отца своих детей и обязать его позаботиться о них в связи с чрезвычайной ситуацией.

Через пару дней раздался звонок от него:

– Что ты лезешь в мою жизнь?! – орал он в трубку. – У меня своя, у тебя своя жизнь!

От такого его хамства, Мария растерялась:

– Но как же наши дети, ты ведь отец и обещал им помогать...

– Я ничего тебе не должен! – прервал он её. – И вообще, у меня твоя бумага с подписью, что я тебе ничего не должен, – зло выпалил он и бросил трубку.

– Но я не сдавалась, – продолжила Мария свой рассказ.

– У меня не было другого выхода. В конце концов под давлением, по всей видимости, со стороны консульства, он был вынужден приехать и забрать детей. Позже, находясь в глубокой прострации от пережитого и расставания с детьми, я услышала от тех же знакомых, что после приезда его в Германию он распространил слух среди наших знакомых о том, как он долго добивался того чтобы забрать у меня наших детей. Там он всем теперь показывает, какой он заботливый и примерный отец: о своих и о чужих детях заботится. Манипулятор! Ну а мне это все обернулось запретом с его стороны, звонить и общаться с детьми...

На следующий день Юлия повезла Марию на своей машине знакомиться с городом. Они ехали, разговаривали о жизни в России, Германии, рассматривали достопримечательности. Возле парка остановились, решив прогуляться по лесу. Вышли на берег Рейна. В заливе плавали утки и лебеди. Юлия вытащила завернутые в пакет куски хлеба и предложила Марии покормить их.

– Ты знаешь мои родители часто днём заезжают сюда, чтобы покормить птиц. Это для них стало своеобразным ритуалом.

Мария взяла хлеб, подошла ближе к берегу и стала бросать птицам кусочки хлеба. Птицы быстро подплыли к Марии вплотную. Некоторые выхватывали хлеб из рук, а один особенно наглый, умудрился ущипнуть её, видимо обиженный её не вниманием. Мария от души рассмеялась. Бросив последние куски хлеба, она проворно отскочила в сторону и вновь подошла к Юлии, которая с улыбкой наблюдала за этим действием со стороны.

– Господи! Я улетаю, я в раю! Много ли надо для счастья человеку? Теперь я хорошо понимаю состояние Плейшнера, когда он, оказавшись в Швейцарии, после ужасов войны наслаждался жизнью и покоем, – задумчиво произнесла Мария.

– Ты имеешь в виду «Семнадцать мгновений весны»? Этот фильм до сих пор здесь любим среди людей выехавших из Союза.

Долгое время они шли молча вдоль берега Рейна. Вдруг Мария произнесла:

– А ты знаешь, вся эта история с моей болезнью и детским домом наполовину правда. В основном для объяснения немецкому консульству и твоим родителям. На самом деле я была больна и парализована, но я вышла постепенно из этого кризиса, и, как говорят евреи, не дождутся! Мария помолчала.

– Весь ужас заключался в том, что после долгих поисков работы я устроилась наконец в одну частную фирму, которая со временем разорилась, директор бежал, а все долги фирмы местный рэкет повесил на меня и ещё одну сотрудницу, молодую женщину. У меня забрали родительский дом, машину. За остатки долгов если мы вовремя им не вернем они грозилась расправиться с нашими детьми. Мы были обе в ужасе, не находя выхода из этого положения. Та женщина не выдержала давления и выбросилась из окна своей квартиры... остался маленький ребёнок.

– В общем, я вспомнила об этом подонке и решила: дети будут жить с отцом, подальше от этого ужаса. Мне легче одной будет выкрутиться из этой ситуации. А теперь дочь с подачи своего папочки упрекает меня, что я бросила их, живу и радуюсь в своё удовольствие. Она уже забыла о том, где был отец все эти годы. Я уверена, её легко купили, а я места себе не нахожу ни днём, ни ночью, тоска по детям сжигает меня. Мои подруги выразились образно по этому поводу:

«Ты, как тот челнок, вывела ракету на орбиту, а сама сгораешь в атмосфере...»

– Да, тяжелая ситуация, с ужасом представляю себе как ты всё это выдержала, – задумчиво произнесла Юлия. Давай завтра сходим в церковь, поставим за тебя и за твоих детей свечки, чтобы вы увиделись и никогда больше не расставались.

Празднично украшенные улицы. Рождественский базар блестит и переливается разноцветными лампочками. На центральной площади открыт каток, играет музыка, продаётся глинтвейн. Мария гуляет по рождественским улочкам и чувствует себя ребёнком, оказавшимся в сказке, где всё так чудесно и беззаботно...

На следующий день все вчетвером сидели в машине и ехали в направлении местности, где живут дети Марии. Это было в трёх часах езды от города, где жили её друзья. За рулём была Юлия, рядом сидел дядя Андрей. А Мария и тётя Элина сидели позади и тётя Элина комментировала всё, то что та видела в окно автомобиля.

Наконец въехали в маленький провинциальный городок, который скорее был похож на деревню, так как только 4—5 домов вдоль дороги на въезде были городского типа трехэтажными. Дальше шли частные дома, огороженные низкими плетеными заборами, за которыми виднелись цветы, декоративные деревья и почти в каждом дворе стояли сказочные гномы, как бы охраняя дом.

В одном из домов городского типа жили дети. Это было не совсем уютное здание. Они жили на третьем этаже, к тому же дом явно не был полностью населён, вокруг было пустынно и безлюдно. Только скромная аллея, которая вела к крыльцу дома придавала более или менее

вид ухоженности и присутствия людей. Объехав почти за 20 минут весь город они не видели даже магазинов, кроме мясной лавки и какого-то страхового общества.

– Так, ясно. Типичная деревня пенсионеров, – сделала вывод Юлия. – Это же надо умудриться во всей Германии найти такое скучное и патриархальное место!

– Такое чувство, что он это место специально нашел, чтобы скрываться от чего-то или точнее кого-то. Тишь да гладь, да божья благодать, – поддержала Юлию тётя Элина.

– Только вот каково здесь подросткам жить? Ни тебе школ, ни дискотек близко не видно и тем более детей на улице, вы заметили?

– По всей видимости, они ездят в школу в соседний город, – предположил дядя Андрей.

– Ну хорошо, попробуем хотя бы для начала найти пансион, в котором мы место для Марии забронировали.

Тихо проезжая вдоль улиц, они свернули на нужную им и уже там быстро нашли этот пансион. Это был большой двухэтажный особняк с местом парковки для двух машин и гаражом. Все вышли из машины и стали рассматривать то, что его окружало. По всей видимости, хозяйка жила внизу, а комнаты для гостей располагались на втором этаже. Юлия подошла к двери, тронула за ручку. Дверь была закрыта. Тогда она стала звонить по телефону хозяевам. Через несколько минут она объяснила присутствующим:

– Их нет, они на дне рождения племянницы, а сейчас подъедет сам хозяин и передаст нам ключ.

Через 10 минут подъехал хозяин. Это был пожилой грузный немец. Выйдя из машины, он дружелюбно поприветствовал гостей, передал ключ и уехал. Они вошли в комнату Марии, внесли её чемодан. Это была простая комната с двумя большими кроватями, тумбочками возле них, на которых стояли лампы, а так же стол с двумя стульями в углу. Выйдя в коридор увидели ещё одну дверь в другую комнату. Но пансион в это время был пуст, и Мария оставалась здесь одна. В общей кухне стояла добротная мебель, бытовая техника и необходимая посуда. В общем, все было довольно удобно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.